

ХУДОЖНИК ЛЕДОВОЙ ДОРОГИ

Его родители — дальневосточники партизан в девятнадцатом расстреляли японцы.

В сорок девятом, после демобилизации, у него был единственный адрес: Ленинградская художественная академия. Отсюда он, бывший воспитанник детского дома, студентом ушел на фронт, сюда и вернулся старшиной, с боевыми медалями, чтобы вновь стать студентом. Но в академической канцелярии ему неожиданно сказали:

- Нехорошо, молодой человек, чужую фамилию присваивать.
- Не понимаю...
- Наш студент Бургулов геройски погиб на фронте. Официальный документ имеется.
- Не может быть...
- Идете.

В галерее воспитанников академии, павших в боях с врагом, Евгений Бургулов увидел свой портрет, прочитал описание своей гибели. Но оя-то ведь знал, что это ошибка.

Было другое. В окружении их осталось сорок человек, и они никак не могли выйти из кольца. Попали в настоящую ловушку — гитлеровцы блокировали группу со всех сторон.

Русские решили прорваться. Без выстрела, в полный рост шли они на врага. Немцы в недоумении тоже прекратили стрельбу — вероятно, думали, что русские хотят сдаться в плен. Но когда сорок русских приближались, слышалась четкая команда:

— Бей фашистов!
Из рюкзаков сорока человек во все стороны полетели гранаты-лимочки.

И все сорок вырвались из кольца.

Заместителя полштрука Бургулова направили в другую часть, а из той, где служил раньше, кто-то послал траурное сообщение в академию.

И вот портрет...

— Если меня и не примете учиться, то все равно портрет снимите. — повернулся к работнику канцелярии. А в ответ:

— Женя, дорогой! — старшему крепко обнял его учитель-профессор. — Значит, вернулся... Как хорошо...

Я СИЖУ в квартире главного художника Русского драматического театра, заслуженного деятеля искусств Чувашской республики. Хозяин — высокий, плечистый человек с крупными чер-

тами лица — быстро, по памяти, набрасывает на листке бумаги фронтную обстановку, которая сложилась под Ленинградом зимой сорок второго года. Сделать ему это не трудно. Все девяносто дней и ночей, пока город-герой был в блокаде, лампочка, а потом старшина Бургулов стоял здесь на страже. Он был одним из тех, кто под огнем противника ползал по побережью и по тошному льду Ладоги, выискивая место для будущей «магистральной линии». Бургулов тогда возглавлял группу разведчиков. Порой им приходилось всю ночь лежать вблизи вражеских окопов. Но ночью было светло, как днем. Неизбы, боясь как бы их в темноте не обоняли или не сновырнули, с вечера до утра сжигали тысячи ракет. А утром надо кричали:

— Рус, плати за свет!...
Мой собеседник улыбается:
— Но «рус» платить пока не собирался, он за все рассчитался в январе сорок четвертого. Однажды Бургулова вызвали в штаб:

— Вы, оказывается, студент художественной академии. Направляйтесь в распоряжение политического отдела Ладужской дороги.

И стал разведчик художником ледовой трассы.

Теперь, кроме автомата, у него на вооружении была кисть живописца. Конечно, не такая, как у других. Он отплевывал пилнику трехлинейной пилы, в один конец вставлял коневий волос, сдвигая лишь-ку зубами, а в другой конец вставлял какую-либо палочку или прутья. У него, конечно, не было ни этюдника, ни красок. Краску делал сам. Из буржуек, которыми отплевывали земляники, соскабливал сажу, разводил ее на бензине. Рисовать приходилось всяко: и укрывшись от пуль и ветра за льдинами, и в лесу, спрятавшись от осколков за деревьями, и в землянке при тусклом мерцании керосилки.

Ему приносили снимки шоферов, отличившихся на ледовой трассе, или летчиков, которые сбивали вражеские самолеты, или зенитчиков, проявивших мужество при отражении налета вражеской авиации. Бургулов переводил эти снимки на огромный холст и портреты вывешивал вдоль ледовой дороги. И на героев равнялись, с них брали пример.

Бургулов писал плакаты, плавно, лозунги. Он выводил звездочки на фюзеляжах истребителей и стволах зениток — по числу сбитых вражеских самолетов.

Все это называлось несколько суховато: наглядная агитация. Но неизмерима сила ее воздействия на человека. Она поднимает

боевой дух в войсках, сплочивала их, призывала новые силы, звала на подвиги.

В ПОЛЕВОЙ узике, в вешевом мешке пронес старшина по фронтным дорогам снимки, сделанные в минуты затишья на суровой и грозной Ладоге. Их бережно, как дорогую реликвию, хранит Евгений Ефимович Бургулов. Они и в самом деле — драгоценность. Такие кадры больше никогда не заснять.

Вот некоторые из них.
...У крошки льда перед полынью остановились шестеро бойцов в белых маскировочных халатах.

— Это мы были на разводке льда для прокладывания дороги. — полспает Евгений Ефимович. — Помню, только Захар Гуртченко сделал снимок, как налетел немецкий истребитель и начал поливать своим дождем. Маскилаты нас спасли, но двоих все-таки легко ранило.

...Лавирюя между бомбовыми воронками, по ледовой дороге торопятся грузовики с боеприпасами и продуктами. На переднем плане — разбитый лед.

— Тут грохнулся «мессершмитт» и ушел на дно.

...Грузовик «А-4-13-56» привез снаряды на зенитную батарею. Шофер выскакивает из-за руля, чтобы быстрее разгрузить машину.

— Помню, однажды этот шофер приходит ко мне в землянку и требует, чтобы я нарисовал его портрет. «Повнимаешь, домой в деревню надо послать, очень просят, а у меня ни одной карточка». Быстренько набросал рисунок. «Ты мне медаль еще подделай. Неужели не заслужу?». Нарисовал ему «За боевые заслуги». А когда через месяц снова встретился, обиделся я на свою скупость: у парня два ордена Красной звезды. На этот раз я

писал его портрет для «ладужской галереи».

...На берегу огромная воронка — след тяжелой авиабомбы. На кромке — красное знамя. А рядом на мапьяны грузят оружие и муку. Это для Ленинграда.

— Так работали и под обстрелами, и под бомбежками. И лишь когда убирали знамя в укрытие, укрывались и бойцы.

...Девушка-регулировщица с карабином за плечами взмахнула флажком, открывая путь колонне. Мапьяны ее волшебному маговению двинулись в путь.

— Трагически оборвалась жизнь этой девушки. Фашистский летчик разбросал на лед разноцветные детские игрушки. Одна «мяшка» упал рядом с постом регулировщика. Девушка подняла его и... взоры. «Игрушка» были мины.

...Разбитый самолет с черными крестами и свастикой. Рядом труп летчика.

— А это тот самый, что разбрасывал коварные игрушки. Долетался!..

...На фоне Ленинграда, в овале, портрет воина и надпись: «История Ладужской дороги — это поэма о мужестве, настойчивости и стойкости советских людей».

Эту поэму писали своим геронамом и отгадали тысячи и тысячи авторов — моряки и пехотинцы, летчики и зенитчики, шоферы и регулировщики. И был среди ее авторов художник, чей труд вселял в бойцов силу и бесстрашие.

После академии кисть художника стала служить театру. Десять спектаклей «Формия в Чебоксарах заслуженный деятель искусств Евгений Ефимович Бургулов. А многие его воспитанники получили дипломы в художественном училище.

Н. СТУРНКОВ.